

Красный паровоз, выпуская большие облака дыма и пара, двигался в южном направлении через дикие зеленые леса и редкие поля, постепенно сменявшиеся отдельными фермерскими землями. Поезд направлялся к вокзалу Кингс-Кросс в Лондоне, где родители с нетерпением ждали учеников из школы.

Обычно вагоны поезда были заполнены взволнованными, счастливыми, разговорчивыми детьми, которые планировали свои летние каникулы, жаловались на заданную на лето домашнюю работу, поедая при этом всякие вкусности, которые им продавала милая дама, с трудом протискивающая свою тележку через забитые людьми коридоры. Но в этом году студенты были необычно тихи. Только временами слышались шепотки, доносящиеся из полупустых купе. Большую часть студентов забрали родители неделей ранее: школа перестала казаться безопасным местом после убийства директора. Никто не вставал со своих мест, кроме нескольких старост, которые бродили по поезду, следя за порядком: в этом не было большой необходимости, но патрулирование давало хоть какой-то способ занять себя, а не просто сидеть и обмениваться взволнованными взглядами.

Юноша в очках сидел один в купе, прижавшись лбом к холодному стеклу, отделявшему меняющиеся за окном виды от душной атмосферы поезда. Он был худощавым, но крепким парнем, ему было шестнадцать с хвостиком, сквозь очки в проволочной оправе были видны его изумрудно-зеленые глаза, а встрепанные черные волосы почти скрывали шрам в виде молнии на лбу. Он возвращался после шестого года обучения в Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс, и этот молодой человек, несомненно, был волшебником.

Его звали Гарри Поттер... «Мальчик-Который-Выжил»... «Избранный»... Избранный из-за пророчества, которое было сделано еще до его рождения... Избранный человеком, которого большинство именовало «Тот-Чье-Имя-Нельзя-Называть» или «Ты-Знаешь-Кто», а Гарри и еще несколько человек — Лорд Волдеморт.

Гарри отрешенно смотрел сквозь грязное стекло, не обращая внимания на быстро сменяющиеся пейзажи. Его глаза, обычно полные жизни, потускнели, расфокусировались, наполнились безысходностью. Его лицо не выдавало эмоций. Только безучастный равнодушный взгляд. В его мыслях всплывали образы чаш, медальонов, колец и браслетов... смутные и абстрактные места... леса... замки... таинственные подземелья... Лица Сириуса и Дамблдора, Седрика и собственных родителей. Снейпа и Малфоя.

— Что я должен делать, профессор? — прошептал Гарри. — Как? Куда мне идти?

Незаметно для Гарри дверь купе тихо открылась за его спиной. На мгновение всколыхнувшийся воздух выхватил из коридора едва ощутимый цветочный аромат. Гарри краем глаза успел заметить ярко-рыжие волосы в отражении на стекле. Внезапно у него к горлу подступил ком, грудь сдавило, кровь застучала в висках, но выражение лица не изменилось.

— Г-Гарри? — сказала Джинни с легкой неуверенностью в голосе.

— Джинни, пожалуйста, уходи, — сказал Гарри почти что шепотом.

Джинни замерла, не закрыв дверь купе и потупив свои голубые глаза.

— Пожалуйста, Гарри... — сказала Джинни просительным тоном. — Я хочу с тобой поговорить, всего на несколько...

— Уходи, — оборвал Гарри. Его голос стал чуть громче, но все еще был похож на шепот.

Джинни бросила короткий взгляд на Гарри и потом продолжила разглядывать ту же самую точку на полу.

— Пожалуйста... Я знаю, что ты...

— УБИРАЙСЯ! — хрипло прокричал Гарри, но его глаза не оторвались от созерцания удаленной точки за окном, а лоб все еще был прижат к стеклу. Выражение его глаз, которых Джинни не видела, сменилось на болезненное и отчаянное.

Джинни вздрогнула, поднимая удивленный и испуганный взгляд. Она начала пятиться к выходу из купе и вздрогнула снова, когда столкнулась с кем-то, стоящим в коридоре позади неё. Развернувшись, она увидела высокого, угрюмого человека в черной аврорской мантии, одной рукой снимающего с себя плащ-невидимку, а второй держащего волшебную палочку.

— Какие-то проблемы, мистер Поттер? — спросил аврор ровным голосом.

— Нет, — ответил Гарри еле слышно. — Джинни, пожалуйста, уйди... Оставь меня одного.

Джинни взглянула вверх на аврора, а затем на Гарри:

— Я просто... Я... хорошо, Гарри, извини, — задыхаясь, сказала Джинни, протискиваясь мимо аврора, с трудом сдерживая рыдания.

Гарри поднял взгляд на отражение человека в двери, который внимательно разглядывал его. Человек кивнул, захлопнул дверь и вернулся на свой пост, накидывая на себя плащ. Гарри опять уткнулся лбом в прохладное стекло. Расфокусированный взгляд Гарри вернулся на проносящиеся пейзажи за окном.

До прихода Джинни мысли Гарри носились стремительно и тревожно. Сейчас он не мог вспомнить конкретно, о чем думал до этого. Ком в горле не исчез и, более того, не давал нормально дышать. Он попытался сглотнуть, но горло сжалось, послав волну боли вниз, к груди. Одна слеза скатилась по щеке и упала на руку, покоящуюся на оконной раме.

Гарри усилием воли заставил себя закрыть глаза и попытался расслабиться. Он, наконец, сделал глубокий вдох, а выдох получился с дрожью. Слегка встряхнув головой, Гарри вытер слезы, его лицо вновь стало неподвижным, и он снова уставился на вид за окном.

* * *

Казалось, время замедлилось. Пейзаж, мелькающий за окном, внезапно обрел абсолютную четкость. Гарри мог отчетливо видеть каждый листик на кустах, обрамляющих извилистую дорогу. Он мог сосчитать количество камней, лежащих на земле за окном. Рожица выглядела так, как если бы он стоял на земле посреди деревьев, рассматривая нечто под ногами. И все было странно — и то, как он перевернул ногой это нечто, оказавшееся при ближайшем рассмотрении переломанным телом девушки; и то, как из ее окровавленной мантии выскользнула рука со следами трупного окоченения. Станным было то, что ее густые каштановые волосы не вились так, как он помнил; они были покрыты грязью, листвой и кровью и прилипали к бледному, посиневшему лицу, обрамляя пустые карие глаза. Станным было то, что он просто развернулся и ушел.

Невдалеке он увидел маленькое заброшенное кладбище, окруженное ржавой железной оградой. Пучки травы торчали из-под ковра мертвых листьев, который покрывал все кладбище. Гарри не сразу заметил маленькую девочку, бесцельно бродящую между надгробий. Она была одета в мантию и грязно-серый плащ с накинутым на голову капюшоном.

«Кто эта маленькая девочка? — подумал он про себя. — Она выглядит печальной... потерянной...» Девочка остановилась рядом со слегка светящимся белым надгробием. Она, как ему показалось, рассматривала цветы, посаженные на холмике перед камнем. Внезапно девочка развернулась и посмотрела в его направлении. Он услышал отдающийся эхом голос у себя в голове:

— Почему я здесь? Зачем ты меня звал? Пожалуйста, оставь меня в покое.

Гарри моргнул...

* * *

Он обнаружил, что до сих пор смотрит в окно и что пейзаж изменился с деревенских домиков

на более густонаселенные пригороды. Гарри осознал, что осталось меньше часа до прибытия в Лондон, когда Рон открыл дверь и вошел в купе, а следом за ним — Гермиона. Они уже закончили патрулирование и сменили школьную форму в вагоне для старост. Они сели напротив Гарри, бросили на него быстрый взгляд, переглянулись, заметив, что он до сих пор одет в одежду с похорон, которые были сегодня утром. Гарри не шевелился.

— Гарри, ты в порядке, приятель? Почему ты еще не переоделся? — спросил Рон.

Гарри кивнул:

— Я в по... Я... Я в...

Впервые с тех пор, как сел в купе и посмотрел в окно на Хогсмид, он оторвал голову от стекла. Он посмотрел на двух своих друзей с одинаковым каменным выражением лица, его глаза были пусты и бесстрастны. Гарри посмотрел на них с минуту, а затем внезапно начал задыхаться. Он хватал ртом воздух, а его зрачки расширились в панике.

— О, Мерлин... Гарри? — Гермиона едва выговаривала слова. — Гарри!

Она наклонилась к Гарри, посмотрела в его глаза и внутренне ахнула. Это не были глаза её лучшего друга, которого она знала с одиннадцати лет. Это были не обычные, блестящие, изумрудно-зеленые глаза, которые у него были, когда он был счастлив; не искрящиеся, свирепые, когда он злился; не ясные, напряженные, когда он был взволнован. Эти глаза были пустые... потерянные... испуганные.

— Мне страшно, — прошептал Гарри. Его руки тряслись на коленях, его пальцы переплетались и дрожали. — Я... Я не знаю, что мне делать. Я знаю, что я должен сделать, но... но... Я думаю, что знаю, что я должен...

Его взгляд не мог сфокусироваться на ком-либо одном из его друзей, он метался по двери, полу, окну.

— Я не могу думать... Как я смогу это сделать? Я... Я не вижу. Не могу... Я не могу думать... — шепот Гарри умолк в тот момент, когда его голова склонилась на грудь, плечи резко опустились.

Рон просто уставился на Гарри, замерев с открытым ртом, не в силах выговорить ни слова.

Гермиона решительно села рядом с Гарри и сжала его в объятиях. Голова Гарри упала ей на плечо, и она мягко провела рукой по его спине, пытаясь его успокоить.

— Все будет хорошо, Гарри, — прошептала она ему, с намернувшимися на глаза слезами. — Мы здесь.

Она чувствовала, что он дрожит в её руках, как будто мерзнет. Гарри сделал короткий дрожащий вдох и спрятал лицо в пушистых волосах Гермионы, громкий всхлип вырвался из его горла. Рон, отойдя от первоначального шока, вытащил свою палочку, бросил Заглушающее заклинание на дверь и поторопился наложить тень на стекло купе.

— Гермиона, — сказал Рон, — что с ним? Я его таким еще не видел!

Она повернулась к Рону с отчаянным взглядом, по её лицу бежали слёзы.

— Я не знаю... Гарри, здесь что-то случилось? — она приподняла лицо Гарри со своего плеча — и его очки упали ей на колени, обнажив мокрые, все еще широко открытые глаза: — Что случилось?

— Это, как боггарт... Только я вижу... я вижу... — прошептал Гарри едва слышно для них, с тем же выражением страха и отчаяния на лице. — Я вижу тебя мертвой... постоянно, все время... Я вижу тебя, как ты лежишь на земле, не двигаешься, не дышишь. Я вижу то, что видела твоя мать, Рон... но постоянно... — его голос опять утих.

Он посмотрел на них обоих с жалобным, умоляющим выражением:

— Но потом я вижу, я-я... мне все равно, но... Но как я могу оставаться равнодушным? Я знаю, что мне не все равно, однако кажется так. Я не вынесу больше этого, я не смогу больше это терпеть... — в панике Гарри посмотрел прямо в глаза Гермионы. — Я вижу тебя переломанной... залитой кровью... мертвой... но мне все равно... — в приступе удушья, он еле выговаривал слова. — Но... но почему?

Гарри попытался встать, но смог только упасть на плечо Гермионы.

Голос Гарри едва слышался:

— Но... Но мне не все равно потому, что я... я... лю... я люблю...

Глаза Гермионы расширились, и она вскрикнула.

— Рон! — закричала Гермиона. — Быстрее! Беги за помощью!

Гарри потерял сознание и, мелко дрожа, упал с ее плеча на сиденье.

* * *

Гарри стоял посреди Диагон-аллеи. Вокруг никого не было. Ни звуков, ни ветра, ни движения... Все опустело.

Он прошел вдоль магазинов. Было темно. Все окна были заколочены, закрыты ставнями. Он остановился у магазина Олливандера и подошел к передней витрине. Вглядевшись внутрь между досок, он увидел странную палочку на подушке, такую же, как он видел, когда покупал свою. Она, как ему показалось, испускала вокруг себя мягкое свечение.

Он развернулся и увидел маленький парк через дорогу от магазина палочек. Прелестный парк с аккуратно постриженной травой, большими, отбрасывающими тень деревьями и оригинальным маленьким садиком, окруженным белыми камнями. Широкая тропинка вилась сквозь анфиладу невысоких колонн и вела к чему-то похожему на ослепительно светящийся белым и золотым фонтан.

«Странно... — подумал он, — я не помню, что на Диагон-аллее раньше был парк».

Гарри шел по тропинке, проходя мимо подвижных бюстов известных волшебников и волшебниц, которые расположились на высоких, богато украшенных мраморных колоннах. Между колоннами росли ухоженные цветы. Благодаря коллекции карточек из шоколадных лягушек, которые он собирал с первой поездки на Хогвартс-Экспрессе, Гарри узнал много знакомых лиц... Бюст Мерлина, Агаты Корнуолл, Церция Мелкого, Вербена Борфланка. Судя по их прическам и одежде, он мог сказать, что некоторые бюсты были весьма древними. Некоторые из них принадлежали лекарям американских индейцев, египетским жрецам, африканским шаманам и азиатским китоуши(1), были и многие другие, которых Гарри не знал.

Каменные головы разворачивались и смотрели на Гарри, когда он проходил мимо. На всех лицах было странное, печальное выражение. Некоторые медленно качали головами, как будто жалея человека, проходящего мимо них. Некоторые отводили свои грустные взгляды, а некоторые даже тихо роняли слезы.

Гарри подходил все ближе к концу ряда из мраморных изваяний. Он остановился, когда его пристальный взгляд встретился со знакомым лицом. Фигура с длинными волосами и бородой, очки-половинки были высоко посажены на крючковатом носу, и глаза, которые, Гарри мог поклясться, подмигивали бы ему, если бы не были полны холодных каменных слез. Дамблдор посмотрел на Гарри выжидающе и потом направил взгляд на соседний бюст, последний в ряду, недалеко от фонтана.

Гарри подошел поближе. Это был бюст молодого волшебника, с круглыми очками в проволочной оправе, с взлохмаченными волосами, которые едва прикрывали странный шрам в виде молнии. Его плечи сотрясались от сильных рыданий. Его рот был открыт в немом крике, вызванный муками и болью. Его едва открытые, опухшие глаза, по-видимому, переполненные беспомощностью и горем, смотрели на фонтан. Казалось, что бюст пытается оторваться от каменной колонны и броситься в воду.

Гарри смотрел на мучения бюста несколько минут, гадая, что заставило этого несчастного так расстроиться. Он заметил кучу белых, блестящих мраморных слез у подножия колонны. Он смотрел и слушал, как они звеняще падали в кучу.

«Он, должно быть, плачет уже очень долго», — подумал Гарри.

Гарри проследил за взглядом статуи до большого фонтана. Вода поднималась в верхнюю мраморную чашу, на краю которой замерли танцующие золотые ангелы. Переполняя чашу, она стекала сквозь золотые, напоминающие ленты каналы и, разбрызгиваясь, падала на широкое основание фонтана. Поттер был слегка удивлен, увидев, что вода у основания была тёмной, грязной... кровавой.

Внезапно там появилось тело в рваной черной мантии, слегка покачиваясь на поверхности воды. Гарри посмотрел вниз на несчастную волшебницу в мрачной воде, одинокую и сломленную. Её голова была повернута под странным углом, будто она смотрела за своё плечо. Её безжизненные карие глаза были едва видны сквозь каштановые волосы, скрывавшие её искаженное, раздувшееся лицо.

«Бедная Гермиона», — подумал Гарри.

Он услышал слабый, со странным акцентом голос, отдающийся эхом в голове:

— Зачем ты звал меня?

Оторвав взгляд от тела, он заметил маленькую девочку, стоящую недалеко от него. Она была одета в школьную форму, но выглядела еще слишком маленькой, чтобы посещать какую-либо волшебную школу, ей было пять, может, шесть лет? Ее платье было сильно изношено и напоминало лохмотья с заплатками на груди и юбке. Плащ, что был на ней, тоже выглядел грязным и поношенным. Она стояла с накинутым на голову капюшоном и поднятым воротником, скрывающим большую часть её лица. Подойдя ближе, Гарри и только смог разглядеть глаза на её лице. Её печальные, но красивые фиалкового цвета глаза, безмолвно роняющие слезы.

Она плачет? Почему? Любопытно... Он расстроился из-за этой бедной маленькой девочки. У неё нет родителей? О ней некому позаботиться? Нет денег? Нет дома? Некому её полюбить? Он почувствовал, как его сердце разрывается при взгляде на неё. Он знал, что она чувствовала. Он знал, каково это быть в отчаянии... одиноким... забытым...

И нелюбимым.

Гарри почувствовал, что слезы катятся по его собственному лицу. Да, он прекрасно знал, что она чувствует.

Гарри присел на колени перед девочкой. Он протянул вперед руки в желании обнять её, чтобы она почувствовала, что кто-то хочет о ней позаботиться. Ему было нужно, чтобы она знала, что не одна, что её понимают. Она отступила на пару шагов назад, когда он потянулся к ней. Она, кажется, боялась его. «У неё нет причин меня бояться», — подумал Гарри. Он медленно убрал руки и опустил голову. Он понял. Он тоже знал, каково это — бояться.

— Я не обижу тебя, — сказал Гарри тихо и спокойно. — Я не позволю никому тебя обижать.

Её туманные фиалковые глаза медленно изучали омраченное лицо Гарри. Они расширились, когда она увидела шрам на его лбу. Она подошла поближе. Её маленькая белая ручка медленно приблизилась к его лицу. Она протянула пальцы, чтобы потрогать его шрам, глаза ее потеплели от сочувствия. По глазам было видно, что она, по-видимому, улыбается за поднятым воротником.

Слабый, со странным акцентом голос в его голове сказал:

— Я вижу твою боль... Я чувствую твою боль... Даже если ты не хочешь... Позволь мне помочь тебе. А то уже почти поздно.

Гарри улыбнулся ей и кивнул.

Кончики её пальцев нежно коснулись его шрама.

Глаза Гарри резко открылись. Он почувствовал, что его легкие сжались; тело не сгибалось, сердце не билось. Маленькая девочка развернулась и пошла прочь. До того, как темнота окутала его, Гарри увидел, что девочка бросила что-то на землю. Мятый цветок лежал в грязи, его лепестки рассыпались, как осколки красного фарфора.

Гарри ощущал темноту вокруг. Он чувствовал прохладу, идущую от окружающей пустоты. Однако он что-то слышал. Тихая неземная музыка. Она была едва слышна. Мелодия успокаивала и как будто бы исходила из отдаленной горы. Она напомнила песню феникса. Гарри слышал тихое, удаленное рыдание, отдающееся эхом. Потом он услышал резкий, решительный голос, намного ближе, чем плач. Эти звуки, казалось, тоже складывались в песню, она звучала медленным печальным напевом, на языке, который Гарри не знал. Потом пение прекратилось.

— Гарри! — ахнула Гермиона и подскочила с сидения на другой стороне купе, когда она увидела, что его веки задрожали и поднялись. Рон и один из авроров удержали её, когда она попыталась дотронуться до него.

Гарри обнаружил себя лежащим на скамье в купе. Мрачный аврор, которого он видел ранее, стоял над ним, держа палочку в руке. Это был высокий, коренастый мужчина с темно-каштановыми волосами и густой бородой, которая имела больше седых волос, чем темных. Рон сидел по другую сторону купе, держа левую руку Гермионы, а второй аврор, который все еще

был частично скрыт мантией-невидимкой, молчаливо держал её правую руку.

— Что... что случилось? — спросил Гарри, пытаясь сесть, но аврор не дал ему это сделать, мягко уложив его обратно.

— Мы думали, что ты нам это скажешь, — сказал Рон, — мы вошли, и ты начал рассказывать, что видишь нас мертвыми!

Гарри просто смотрел на них безучастным взглядом.

— Да, — добавила Гермиона, — и ты упомянул что-то о том, что ты «видишь то, что видела мама Рона». Потом ты отключился, я думаю... Я послала Рона за помощью... Тебя всего трясло, и потом ты пробубнил что-то о том, что не дашь никому нас обидеть, а потом... потом...

Голос Гермионы надломился.

— Ты умер, — закончил Рон. — В тот момент, когда я вернулся с аврорами. Твои глаза широко открылись, ты сделал глубокий вдох... и умер.

— Я умер? — скептически спросил Гарри. — От чего?

— Ну, — сказал аврор с грубым голосом. — Вы едва не умерли, и я бы сказал, что это было близко, что еще чуть-чуть...

Аврор продолжил говорить, делая пассы своей палочкой, оценивая состояние его здоровья:

— Вам очень повезло, что меня поставили на этот рейс, мистер Поттер. До того, как стать аврором, я учился на целителя в больнице Св. Мунго несколько лет после окончания Хогвартса, — аврор оценивающе посмотрел на Гарри, заканчивая манипуляции. — Вы можете сказать, что с вами произошло?

— Нет, — ответил Гарри, — последнее, что я помню: я смотрел на пейзажи за окном. Я, скорее всего, уснул. У меня был странный сон о каком-то лесе... Не думаю, что я его раньше видел; и помню еще парк на Диагон-аллее... Я знаю, что там нет никакого парка... и что-то еще о маленькой девочке. Потом я услышал странную песню и очнулся, лежа здесь.

— Но, Гарри, ты был в сознании, когда попал сюда, — сказал Рон.

Гермиона прочистила горло, пока вытирала остатки слез своим рукавом:

— Сэр, что это было за заклинание, которое вы наложили на Гарри? Я такого никогда не

слышала.

Аврор посмотрел на Гермиону:

— Я и не ожидал, что вы где-то могли слышать его, оно очень сложное, и весьма высокоуровневое, — ответил он, улыбаясь, — это заклинание «Ахматари», это...

Гермиона ахнула и закончила его фразу:

— ...Заклинание для подавления критического эмоционального шока! Почему вы решили, что... О нет... Гарри! — слезы выступили на её глазах, угрожая пролиться снова.

Аврор был удивлен:

— Я не знал, что такую магию преподают в Хогвартсе. Продвинутый курс? Мисс...

— Грейнджер, — она шмыгнула носом и вытерла глаза. — Гермиона Грейнджер.

— О, — аврор, кажется, узнал имя, — Грейнджер... Да, точно. Ну, этой магии обычно обучают в специализированных школах, но да, вы правы, мисс Грейнджер. В любом случае кажется, что мистер Поттер недавно испытал что-то, что стало причиной потери... ну... — он посмотрел Гарри в глаза. — Воли к жизни. Проще говоря, его разум приказал телу отключиться, умереть.

— Гарри, это из-за Дамблдора? — спросил Рон. — Я хотел сказать, что нам тоже тяжело, приятель, но...

— Нет, — прервал его аврор, — это из-за того, что случилось недавно, я бы сказал, пару часов назад.

— Возможно ли, что сон вызвал травму? — спросила Гермиона.

— Я так не думаю, — ответил он. — Я не могу представить, чтобы кошмар мог вызвать такой шок.

— Однако к вам в голову не залезал Волдеморт каждую ночь, не так ли? — возразил Гарри угрюмо.

Как и ожидалось, все в купе, кроме Гермионы, вздрогнули при упоминании имени Волдеморта.

Аврор оправился быстро:

— Да, вы правы... Простите, мистер Поттер...

— Зовите меня Гарри, пожалуйста.

— Хорошо. Гарри, ты что-нибудь еще помнишь из «сна», который видел?

— Нет, сэр, не помню.

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

Гарри сел:

— Хорошо... Я немного устал. Я чувствую себя, как будто много плакал. Как ни странно, но я не помню, чтобы плакал, — сказал он, ощущая отечность вокруг глаз и щёк.

Рон и Гермиона обменялись взглядами. Они оба видели, что он был близок к истерике, когда они вошли.

— Встань, Гарри, чувствуешь головокружение? — спросил аврор.

— Нет, все в порядке.

— Все же я должен тебе посоветовать зайти в больницу Св. Мунго, — сказал аврор. — Честно говоря, я не ожидал, что ты так быстро восстановишься. Ты слегка ослаблен, но я не нашел никаких физических отклонений, хотя я плохо оснащен, чтобы провести полный осмотр, ты должен это понимать. Я не могу тебя заставлять, но, если ты решишь туда не идти, я бы порекомендовал тебе как можно больше отдыхать в течение нескольких дней, и ты не должен оставаться один. Осмелюсь сказать, если ты не пойдешь в больницу, тогда ты должен отправиться прямиком домой с Кингс-Кросс, ты со мной согласен?

— Да, моя... м-м... семья должна забрать меня.

— Это хорошо, — сказал аврор и повернулся к Рону и Гермионе, — мы будем снаружи. Приглядывайте за ним и позаботьтесь, чтобы его семья узнала о том, что случилось, когда мы прибудем на вокзал. А это будет через несколько минут.

Второй аврор снял Заглушающее заклинание и открыл дверь купе. Небольшая толпа студентов собралась за дверью и вытягивала шеи, пытаясь заглянуть внутрь. Угрюмый аврор попытался разогнать любопытных:

— Расходитесь! Здесь не на что смотреть... Возвращайтесь в свои купе, это всех касается! Мы

прибудем к вокзалу через минуту, поэтому будьте готовы, — он развернулся к трио, кивнул, закрыл дверь и со свистом исчез под плащом.

Рон повернулся к Гарри:

— Ты думаешь это ... Ты-Знаешь-Кто... так подействовал на тебя через шрам?

Гарри прислушался к своему шраму, который даже не покалывал:

— Нет, я так не думаю.

Рон и Гермиона тихо сели, наблюдая, как Гарри снимает школьную одежду и упаковывает её в сундук. Когда Гермиона увидела, что Гарри закрывает сумку, его слова всплыли у неё в голове. Слова, которые, несомненно, он не помнил, но говорил... Слова, которые заставляли танцевать тысячи бабочек у неё в животе... «Но... но мне не все равно, потому что я... я... лю... я люблю...»

«Действительно ли он хотел сказать, что любит меня?»

1) Китоуши (с японского) означает лекарь, шаман, целитель

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3813309>